

— АНАСТАСИЯ МУН —

고시원

잠들지 않는
사람들의 방

서울은
이 정도
꿈을 꾸다

같은 피
같은 악몽

ТАВИ ХАНА

벗어날 수 없어
숨 쉴 수 없어
그래도,
우리는 이어져 있다

— ОДНА КРОВЬ —

같은 꿈을 꾸는
두 사람
깨어나지 않는
하나의 피

18+

Анастасия Мун
Гави хана. Одна кровь
Серия «Хроники
Тёмного Сеула», книга 1

*<https://litres.ru/74441207>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Какую цену ты готова заплатить, чтобы защитить того, кого полюбила вопреки всему?

Тихая бариста Юн Сора и молчаливый охранник Кан Хёну искали спасения от одиночества в тесных стенах съёмного госивона. Между ними быстро выросла пугающая, болезненная зависимость. Но в одну роковую ночь их счастье рушится. Спасая любимого, Сора совершает жестокое убийство, которое её мозг мгновенно стирает из памяти от запредельного шока.

Комната чиста, труп спрятан, но подсознание невозможно обмануть. Каждую ночь Сору сковывает жуткий сонный паралич: осязаемая чёрная тень греха наваливается на грудь, выжимая воздух. Самое страшное — Хёну каменеет в постели вместе с ней. Связанные клятвой крови, они делят одно удушье на двоих, по секундам вспоминая правду.

Пока младшая сестра Хёну рушит их алиби, полиция уже близко. Их ждёт две смерти на асфальте Сеула.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анастасия Мун

Гави хана. Одна кровь

Пролог

«Некоторые преступления никогда не забываются. Один сон. Две души. Одна правда».

Автор

Он не просто остыл — он мгновенно превратился в густой, ледяной цемент, который забил мне легкие, полностью лишая возможности сделать хотя бы один ничтожный вдох. Я открыла глаза, но мир вокруг остался недвижимым. Полумрак тесной съемной конуры на окраине Сеула намертво застыл, превратившись в глянцевый, пугающий стоп-кадр.

Я попыталась закричать. Попыталась позвать его. Но из зажатого, словно стальными тисками, горла вырвался лишь едва слышный, задушенный хрип.

Гави-нуллим. Меня снова придавило.

Руки и ноги налились мертвой, свинцовой тяжестью, обращаясь в холодный мрамор. Мое собственное тело больше не подчинялось разуму. А затем из угла, где на вешалке сиrotливо висело промокшее пальто, пахнущее декабрьским

дождем, медленно выдвинулась тень. Она двигалась беззвучно, уродливо ломая геометрию стен, пока не легла прямо мне на ребра.

Это был Гави хана — материализовавшийся дух моей собственной, невыплаканной вины. Осязаемый, антропоморфный силуэт мертвеца, чье лицо мой мозг отчаянно стер из памяти три недели назад, защищаясь от запредельного шока. Тень навалилась на грудь всем своим весом, выжимая остатки кислорода. В ушах тонко, ультразвуком зазвенел Синбён — лихорадка духа, которая методично жрала меня изнутри последние трое суток. На подоконнике в такт этому звону уродливо шевелились тяжелые фиолетовые бутоны цветка, источая приторный, удушливый запах гнили.

Я задыхалась, чувствуя, как простыни под головой становятся липкими от пота.

И в эту самую секунду матрас рядом со мной резко, судорожно прогнулся.

Большая, горячая ладонь Кан Хёну вслепую скользнула по пододеяльнику и намертво, до хруста в костях, переплела свои пальцы с моими. В ту же микросекунду его тело, лежавшее рядом, вытянулось струной и полностью окаменело. На его лбу проступили крупные капли пота, а левая бровь со шрамом дернулась в судороге.

Наша клятва «общей крови» сработала без осечек. Система нашего личного ада не признавала автономии: ночной паралич сковал его разум в ту же секунду, что и мой. Один сон.

Две души. Одно удушье на двоих.

Тень над моей грудью задрожала, аналоговые полароидные снимки под подушкой поплыли цифровыми зазубринами и полосами серых помех, а перед нашими закрытыми глазами в застывшем оцепенении начал медленно проявляться один и тот же флешбэк. Та самая ночь. Звук удара. Тяжелое железо, опускающееся на чужой затылок. И брызги багровой крови, пачкающие мои пальцы.

Мы не могли пошевелиться, запертые в общем кошмаре посреди безмолвного Сеула. Подсознание всегда помнит. И теперь мы были вынуждены умирать в этой комнате каждую ночь, по секундам вспоминая правду, которую нельзя было забывать.

Глава 1

За три недели до первой ночи паралича...

Зимний Сеул умеет заживо консервировать одиночество. В декабре город накрывает липкая, влажная мгла, которая намертво въедается в бетонные стены госивонов и заставляет прохожих испуганно прятать лица в воротники длинных чёрных пальто.

Время близилось к полуночи. Небольшая независимая кофейня на глухой окраине округа Мапхо была пуста уже больше двух часов. Окна-витрины изнутри полностью покрылись плотным слоем матового конденсата, за которым размытыми цветными кляксами плыли огни редких автомобилей. Из-за изнурительной бессонницы, которая планомерно выжигала мой разум последние полгода, я всегда просила менеджера ставить меня исключительно в ночные смены. В пустом полумраке зала, под мерный монотонный гул старого холодильника у стойки, мне было легче дышать. Реальность здесь казалась более предсказуемой.

Я лениво водила влажной тряпкой по безупречно чистой поверхности деревянной стойки, когда дверной колокольчик над входом надрывно, жалобно звякнул. Вместе со звуком в помещение ворвалась резкая порция ледяного озонового холода и сырости.

Я подняла глаза.

Он вошёл неторопливо, почти лениво, и резким движением стянул с головы глубокий капюшон насквозь промокшего чёрного худи. Кан Хёну. В ту секунду я видела его впервые в жизни, но где-то глубоко под рёбрами что-то болезненно, глухо ёкнуло, словно моё подсознание уже тогда зафиксировало невидимую точку невозврата.

Он был высоким, сухопарым и каким-то пугающе жилистым. Капли дождя стекали по его взъерошенным тёмным волосам, падая на бледное лицо с резкими, словно вырубленными из куска гранита чертами. На левой брови синел тонкий, идеально ровный шрам — след старого, явно не мирного прошлого.

Его глубоко посаженные тёмные глаза сканировали пустое кафе с каким-то мёртвым, леденящим спокойствием. Хёну не разглядывал меню. На мгновение его взгляд замер на дешёвом пластиковом горшке с засыхающим цветком на подоконнике, а затем переместился прямо на меня. От этого взгляда по моей коже пробежала волна колючего холода.

— Чёрный кофе, — произнёс он.

Голос у него был низким, хриплым, с каким-то сухим, въевшимся мужским металлом. Так говорят люди, которые привыкли подолгу молчать сутками.

Я лишь молча кивнула и опустила голову, убирая за ухо непослушную прядь чёрных волос. Мои пальцы, обычно мелко подрагивавшие от хронического недосыпа, вдруг налились странной, абсолютной точностью. Я рефлекторно вы-

била кофейную таблетку в холдер, затянула его в группу и нажала кнопку пролива. Пока кофемашина со свистом и шипением выжимала кипяток сквозь плотный слой зёрен, я медленно, стараясь не шуметь, опустила руку под кассу.

Там, среди чековых лент, лежал мой старый, поцарапанный полароид. Единственная вещь, которой я доверяла. Мне казалось, что если мир вокруг зафиксирован на бумаге, он становится настоящим.

Щёлк.

Камера глухо выдала характерный механический звук, выплюнув квадратный картридж прямо в мою ладонь. Я быстро спрятала его в карман фартука. Хёну даже не повернулся на звук — он уже сидел за самым дальним столиком у окна, подперев подбородок рукой и глядя на размытые капли дождя на стекле.

Я вынесла чашку и молча поставила её на стол. Он не поднял глаз, лишь едва заметно кивнул, и его большая, мозолистая правая ладонь, испачканная у ногтей чем-то тёмным, похожим на мазут, обхватила горячую керамику.

Я вернулась за стойку. До проявления полароида оставалось около двух минут. До того момента, как эта же мозолистая рука намертво переплетёт свои пальцы с моими в удушающем каменном оцепенении, оставалось ровно три недели.

Хёну допил кофе за четыре глотка. Он поднялся так же бесшумно, как и вошёл, накинул капюшон и толкнул стек-

лянную дверь, растворяясь в сеульской темноте под проливным дождём. Он ушёл, даже не обернувшись. Но на краю стола осталась лежать его дешёвая пластиковая зажигалка со стёртым логотипом.

Я подошла, взяла её в руки и перевернула. Зажигалка ещё хранила слабое тепло его пальцев и отчётливо пахла гарью, калёным железом и крепким табаком. В ту же секунду я вытащила из кармана полароидный снимок. Эмульсия полностью потемнела, проявляя детали кадра. Хёну у окна получился безупречно резким, контрастным и чистым. Никаких цифровых зазубрин. Никаких ломаных линий серых помех.

Я аккуратно положила зажигалку в карман к снимку. Окружающая меня тишина впервые за долгие месяцы перестала казаться пустой. Она стала обитаемой.

Глава 2

За две недели до первой ночи паралича...

У каждого человека на дне сознания есть пустое место. У меня оно было заполнено звенящим белым шумом бессонницы и глухим безразличием отца, который за последние три года звонил мне только ради проверки документов на квартиру. Но в кармане моего фартука теперь лежала чужая пластиковая зажигалка, и это крошечное чужое тепло медленно вытесняло мой холод.

С той ночи Хёну стал частью моего расписания.

Он появлялся в кофейне каждые два-три дня, всегда незадолго до полуночи. Садился за тот же дальний столик, молча выпивал свой чёрный кофе и уходил, оставляя на деревянной поверхности ровную стопку монет. Мы почти не разговаривали. Ему не нужно было заполнять тишину фальшивыми вежливыми фразами, а мне — натягивать дежурную улыбку бариста. Мы просто делили эту удушливую сеульскую ночь на двоих, и этого было достаточно.

В пятницу кофейню закрыли на санитарный день, и я впервые за долгое время осталась одна в своей тесной съёмной комнате. Бессонница тут же накрыла меня с головой. Стены госивона давили, с потолка капала серая тоска, а за окном выл голодный зимний ветер.

В половине второго ночи я не выдержала. Накинула курт-

ку, сунула полароид в сумку и поехала на окраину Мапхо — туда, где среди промышленных зон раскинулся заброшенный складской комплекс. Туда, где работал Хёну.

Район встретил меня ржавыми остовами грузовых контейнеров, глухими бетонными заборами и тусклым, мигающим светом редких фонарей. Территория складов казалась мёртвой. Огромные железные ангары уходили вглубь тумана, словно спины спящих доисторических чудовищ.

Я нашла будку охраны у главных ворот. Окно было тёмным, но изнутри доносился тихий, приглушённый звук. Я подошла ближе и заглянула сквозь мутное стекло.

Там горела всего одна блёклая настольная лампа. На старом разбитом мониторе без звука шёл какой-то старый чёрно-белый фильм — кадры сменяли друг друга, бросая серые блики на стены. Хёну сидел на полу, опёршись спиной к полубодранному дивану. Вокруг него были аккуратно разложены железные инструменты, шестерёнки и стоял массивный каркас старого, полуразобранного мотоцикла. Его пальцы были по локоть испачканы в густом чёрном мазуте. Он медленно, сосредоточенно протирал какую-то деталь ветошью.

Я тихо постучала по стеклу. Три коротких удара.

Хёну вздрогнул. Его рука с ветошью на секунду замерла. Он резко повернул голову, и его глубокие, тёмные глаза впились в моё лицо сквозь стекло. Шрам на левой брови напрягся. В его взгляде на долю секунды вспыхнула чистая, живот-

ная настороженность силовика, привыкшего к нападениям из темноты. Но затем его плечи опустились. Он узнал меня.

Через полминуты тяжёлая железная дверь будки со скрипом приоткрылась.

— Сора? — его голос в ночном воздухе прозвучал ещё более хрипло и удивлённо. — Что ты здесь делаешь в такое время? Я же сказал, этот район опасен.

— Я не могла уснуть, — просто ответила я, кутаясь в воротник куртки. — Дома слишком тихо. А ты обещал, что услышишь, если я разобью окно. Вот я и пришла проверить.

Хёну промолчал. Он долго смотрел на меня, сканируя мои круглые очки, бледные щёки и трясущиеся от холода пальцы. Затем он вздохнул, шире открывая дверь.

— Заходи. Здесь сквозняк.

Внутри будки пахло машинным маслом, крепким дешёвым табаком и застарелой сыростью бетона. Хёну молча указал мне на чистую часть дивана, а сам снова опустился на пол к своему мотоциклу. Он взял в руки гаечный ключ, но я видела, что его движения стали чуть более резкими.

— Это байк отца, — вдруг глухо произнёс он, ломая тишину. Он не смотрел на меня, продолжая затягивать болт на двигателе. — Он умер, когда мне было семнадцать. Оставил после себя только долги, слабую мать, младшую сестру и грудку этого ржавого железа. Я собираю его уже третий год. Медленно. Когда становится совсем паршиво.

Я поджала ноги под себя на диване, внимательно слушая

его рваный, сухой рассказ.

— Мой отец тоже оставил меня, — тихо отозвалась я, глядя на то, как серый свет от монитора падает на его шрам. — Только он жив. Просто однажды стёр меня из своей жизни, как ненужный файл. Сказал «как хочешь» и закрыл дверь.

Хёну остановил руку. Он медленно поднял голову и посмотрел на меня снизу вверх. В его глазах не было жалости — только тяжёлое, глубинное понимание. Мы оба были сотканы из одного и того же материала — из абсолютного, выжженного одиночества.

Я достала из сумки полароид.

— Можно? — спросила я.

Хёну едва заметно кивнул. Он не стал позировать, просто замер, сжимая в измазанной мазутом ладони стальной ключ на фоне чёрно-белого экрана.

Щёлк.

Камера сухо выплюнула снимок. Я положила его на столик рядом с его кружкой с недопитым раменом. Карточка начала медленно потемнеть, проявляя контуры его широких плеч и железных деталей. Кадр получился безупречно чётким. На подоконнике будки охраны в пластиковом стаканчике стоял маленький, засохший отросток какого-то комнатного цветка, который Хёну, видимо, когда-то забыл выбросить.

— Спасибо, — тихо сказал он, убирая инструмент. Он поднялся, подошёл к старому чайнику и налил в чистую кружку горячую воду, бросив туда брикет лапши. — Поешь.

Ты бледная, как призрак. Наверняка опять забыла.

Он поставил рамён передо мной. Бытовая, грубая забота человека, который не умел говорить о чувствах словами, но доказывал их действиями. Я взяла палочки, и мы снова замолчали. Эта тишина на заброшенном складе больше не пугала меня. Она защищала.

Мы ещё не знали, что ровно через две недели эта самая железная деталь, которую он только что крутил в руках, опустится на череп Минхо прямо в моей комнате. И что этот засохший цветок на подоконнике будки после первой пролитой крови пустит агрессивные чёрные корни, которые начнут питаться нашей виной.

За окном склада, далеко в тумане, внезапно пронзительно и долго засигналила чья-то машина, разрезая ночную тишину Сеула. Хёну мгновенно подобрался, его взгляд снова стал хищным и холодным. Прошрое уже выслеживало его по пятам, сворачивая кольцо вокруг нашего затерянного рая.

Глава 3

За десять дней до первой ночи паралича...

Удушающий покой нашего затерянного рая продержался недолго. Ровно через четыре дня после моей ночной поездки на склад реальность ворвалась в госивон без предупреждения. Нарушив все личные границы, она пахла чистым медицинским спиртом, мятной жвачкой и уличным сеульским холодом.

Кан Еджин приехала дневным автобусом из Пусана, не предупредив брата.

Я как раз стояла у стойки в кофейне, лениво пересчитывая чеки, когда дверь распахнулась и внутрь вошла девятнадцатилетняя девушка. В её аккуратном, строгом каре, светлом пальто и собранном, колющем взгляде сквозь тонкие стёкла очков было слишком много от Хёну. Но если в брате жила глухая, гранитная тяжесть, то от Еджин веяло сухим, ввевшимся цинизмом медицинской академии.

Она не стала заказывать кофе. Еджин подошла прямо к стойке, сканируя меня с ног до головы профессиональным, препарирующим взглядом будущего хирурга.

— Вы Юн Сора? — её голос прозвучал пугающе ровно.
— Я Еджин. Младшая сестра Хёну.

Мои пальцы рефлексорно сжали чековую ленту.

— Приятно познакомиться, — тихо ответила я, убирая

руки под стойку.

— Не думаю, — отрезала она, опёршись ладонями о деревянную поверхность. — Мой брат последние три года жил как робот. Склад, подвал, деньги маме, редкие звонки мне. А теперь он не спит сутками, пропускает разгрузки и тратит последние копейки на дешёвый бензин для разваленного байка. Я приехала посмотреть, кто ломает его расписание.

Еджин говорила жёстко, но в её зрачках я увидела кое-что ещё. Это не была злость. Это был панический, глубоко запрятанный страх девочки, которая слишком рано потеряла отца и теперь судорожно пыталась контролировать единственного выжившего защитника. Её гиперответственность была её броней. Она бессознательно ревновала брата к чужой, бледной девушке из ночной кофейни, видя во мне скрытую угрозу его безопасности.

— Хёну сам решает, как ему жить, — так же тихо, но упрямо ответила я, глядя ей прямо в глаза.

Еджин на секунду замолчала. Её челюсть напряглась, в точности как у брата, когда он сдерживал злость. Она брезгливо скользнула взглядом по моему старому полароиду под кассой, хмыкнула и развернулась к выходу.

— У Соры явные проблемы с дефицитом веса и хроническим недосыпом, — бросила она через плечо, уже толкая стеклянную дверь. — Хёну склонен спасать сломанные вещи, но люди — не ржавые детали. Посмотрим, насколько тебя хватит.

Она ушла, оставив после себя шлейф ментоловой свежести и липкой тревоги. Система контроля Еджин включилась на полную мощность. Она не собиралась уезжать из Сеула. Она сняла крошечную комнату в том же районе и начала медленно, методично сканировать нашу жизнь, выискивая трещины.

Еджин заходила к нам в госивон без стука, приносила витамины, наводила стерильный порядок на кухне и постоянно задавала брату резкие, прямые вопросы. Между Хёну и сестрой росла глухая, болезненная стена. Хёну закрывал меня собой от её расспросов, заставляя Еджин злиться ещё сильнее.

Мы ещё не знали, что её упрямое медицинское рацио скоро столкнётся с иррациональным кошмаром, который невозможно вылечить таблетками. И что её попытка «спасти» брата от меня в итоге наведёт полицию прямо на наш след.

Глава 4

За неделю до первой ночи паралича

Есть какая-то близость между двумя одинокими людьми в замкнутом пространстве. Кабинет госивона – это своего рода капсула: метров 4 от входной двери до окна, матрас у пола, небольшой журнальный столик, шкафчик с одеждой. В этой комнате некуда укрыться даже от дыхания другого человека. Все звуки здесь слышны обоим.

После резкого визита Еджин в кофейню Хёну впервые остался у меня на ночь.

Он зашёл под утро – из складской смены, с запахом раскаленного металла и мокрого снега. Лица не имел вовсе — под глазами синие тени словно вырезаны были на лице его белом, а шрам над бровью дергался от утомления. Без звука он присел возле дверей, раздвинув пошире длинную пару ног, смотрел куда-то в никуда.

Я не задавала вопросов. Вместо этого я достала из шкафчика электрическую плитку, налила воду в старый ковшик и бросила туда брикет рамен.

— Еджин звонила матери, — глухо произнёс он, ломая тишину. Голос звучал хрипло, надсадно. — Сказала, что я связался с сумасшедшей и бросаю работу. Мама плакала. Простила вернуться.

Я застыла с палочками в руках – смотрю, из-под бурляще-

го бульона валит густой влажный пар.

— И что ты ответил?

Хёну тихо поднял глаза ко мне. Глаза у него были темные и глубоко сидели под бровями - смотрел он прямо на меня, ничего не моргая.

— Сказал, что у меня теперь есть дела в Сеуле. И повесил трубку.

Он поднялся, подошёл ближе и мягко, но уверенно забрал у меня из рук палочки. Подвинул ковшик к себе и аккуратно разбил туда сырое яйцо, как делал у себя в будке охраны. Он учил меня готовить нормальную еду, потому что моя привычка забывать про обед искренне его злила. Мы сели прямо на полу, упираясь коленями в край матраса. Хёну аккуратно подкладывал мне в тарелку лучшие кусочки тушёнки, а я молча принимала эту неуклюжую, грубую мужскую заботу.

Пока мы ели, Хёну внезапно замер, нахмурившись. Его взгляд переместился на подоконник.

Там - в пластмассовом горшке – росла моя бесименная домашняя растюшка. Последнее пол года она была как сухая палка, а сегодня утром её стебельки вдруг стали жидкими не природными темно зелеными соками. За день они выросли по несколько сантиметров вверх, злобно раздвигая свои шипастые глянцевые листики. Из сухой почвы (как из серого пепла) исходил странный запах сырости и старого водопровода.

— Странная трава, — буркнул Хёну, касаться листьев он

не стал. — Пахнет болотом. Откуда она у тебя?

— Нашла на улице, — шепотом солгала я (на самом деле цветок просто тут стоял со времен моего заселения). В животе что-то приподнялось. Первым сигналом была тревога. Растение развивалось чересчур стремительно — видимо система нашего коммуналки-ада уже запустила биологическую адаптацию под будущие ужасы.

После еды Хёну разложил на полу чистую ветошь и достал из кармана куртки тяжёлую железную деталь от мотоцикла — ту самую звёздочку цепной передачи, которую он не успел починить на складе. Он пачкал пальцы в чёрном мазуте, методично оттирая металл, а я лежала на матрасе рядом, подперев голову рукой, и слушала тихую минималистичную музыку в одном наушнике.

Я достала полароид. Щёлк.

Картридж сухо вылетел мне в ладонь. На проявленном снимке Хён был четким — однако линии рук у него неопределенно дублировались, наложенные поверх диагональных штрихов аналогового шума. Будто сама действительность заранее предупреждает: этот человек нестабильный для существования рядом со мной. Призрак — он будет потерян после закрытия петли.

Вечером к двери госивона опять кто-то постучал. Три кратких, жёстких стука — я даже застыла.

Хёну открыл. На пороге стояла Еджин. Она была в своей стерильной медицинской блузке под курткой, в руках — пла-

стиковый пакет из аптеки. Она зашла, брезгливо перешагнув через детали мотоцикла на полу, и остановилась, уставившись на нас. Её взгляд замер на подоконнике, где уродливое растение уже раскрывало первый тяжёлый, налитый ядом фиолетовый бутон.

— Хёну, тут пахнет старым дерьмом. Еджин морщит нос; ее слова пропитаны сдержанным гневом и контролем.—Я купила успокоительное для твоей подружки. У нее бессонница, измотана до смерти. Без этих таблеток она впадет в полную деградацию психики.

— Уходи с твоими шприцами, проваливай, Еджин. Хён прижал меня спиной к себе — плечи у него затряслись. — Сами всё решим.

— Ты не понимаешь! — Еджин сделала шаг вперед, сжимая в руках пакет. — Ты разрушаешь свою жизнь для нее. Она уничтожает все, чем мы занимались.

Между ними наступила тяжелая тишина - звенящая. Еджин посмотрела на Хёнву с глазами потерянной девочки, потом перекинула холодный взгляд на меня.

До того момента, как её упрямая гиперопека разрушит наше алиби и наведёт оперативников на складской коллектор, оставалось чуть меньше двух недель. До точки деформации и первого удара по черепу — ровно четыре дня.

Глава 5

За три дня до первой ночи паралича

Кольцо вокруг нас сжалось - сухой хруст металла. Вечером туман над Сеулом совсем пожелтел от смога, тяжелый и едкий, вдыхаешь его вместе с выхлопами старых дизелей грузовика. Внутри маленькой капсулы госивона безмолвие стало плотным и физически ощутимым — при любом резком звуке снаружи (глухой чих у соседей или скрип пола в общем коридоре) я подпрыгивал от страха до потери сознания, вываливая все с рук. Даже постоянный шум старого холодильника внизу на общей кухне звучит как землетрясение.

Хёну менялся передо мной, и это меня больше всего пугало - не столько саму грозу, сколько то, как он меняется за последние два дня. Он курит без остановки и дым от плохого табака пускает через маленькое окно с небольшим проемом. Большие грубые руки трясутся ему при каждом приближении зажигалки (с выгоревшим логом) ко рту. Ровная прямая полоса шрама на левой брови была отекавшей и красной до синевы, словно внутри головы у него взрывалось давление.

На заброшенный складной комплекс он почти перестал ходить, отпрашиваясь под любыми предлогами. Вместо этого он буквально запер меня вместе с собой в этих четырёх стенах, превратив съёмную конуру в добровольную камеру одиночного заключения. По три-четыре раза за ночь он бес-

шумно поднимался с матраса, проверял, намертво ли заблокирована балконная дверь, и подолгу стоял у порога, вслушиваясь в каждый шорох в темноте подъезда. Кредитор по имени Минхо уже крутился в нашем квартале. Наш единственный друг, водитель такси Чону, передал, что этот блестящий тигр криминального подполья уже выпрашивает у местных лавочников и завсегдатаев рёберных подвалов про «угрюмого парня со шрамом на брови». Хёну знал это. Я видела это по тому, как он замирал посреди комнаты, превращаясь в каменное изваяние, и просто слушал, как Сеул пытается выследить нас.

Вечером к нам ворвалась Еджин. Она вошла без стука, резко провернув в замке свой дубликат ключа, который когда-то взяла «на всякий случай» ради контроля над братом. В помещение мгновенно ворвался резкий, стерильный запах медицинского спирта, уличного холода и мятной жвачки. Лицо Еджин за стёклами очков было бледным, искажённым от чистого отчаяния будущего врача. Не говоря ни слова, она с силой швырнула на наш низкий журнальный столик шуршащий пластиковый пакет, забитый блистерами сильных седативных препаратов.

— Смотри на нее, Хёну! — голос дрогнул, оборвался на нервном хрипе. Ткнула пальцем куда-то мимо меня, будто я стала прозрачной стенкой. — Зрачки у нее раздвинуты как блюдца. Лихорадку несет три дня подряд. Не спала четвертую ночь – жжет изнутри! Вот это уже не банальная уста-

лость или перенапряжение работающей баристой... А клиника психоза, Хёну! Ты еще думаешь что спасаешь её? Нет, эта сломанная девчонка тихонько-тихо утопляет себя с тобой! Присядь!

Хёну сидел на краю матраса, низко опустив голову и опершись локтями о колени. На крик сестры он отреагировал не сразу. Он медленно, со скрипом в суставах распрямил спину и поднял на неё свой мёртвый, леденящий взгляд. В его серых глазах было столько глухой, гранитной тяжести, что Еджин невольно запнулась на полуслове и сделала полшага назад к двери, судорожно сжав пальцы на своей сумке.

— Уходи, Еджин. — Сказал он. Голос у него низкий, сухой, никакой души в нём не было.

— Я твоя сестра! — У меня есть право знать, что ты...

— Выходи, Еджин. Прямо сейчас — сказал он еще раз, уже звучало то самое застарелое мужское железо, от которого нельзя было отказаться ни с чем.

Еджин ещё несколько секунд стояла посреди комнаты, тяжело дыша и кусая губы от бессильной обиды. Её медицинское рацио, её потребность всё контролировать разбивались о его глухое упрямство. Наконец она резко развернулась, выбежала в коридор и с силой захлопнула за собой дверь. Её быстрые, рваные шаги на каблуках ещё долго эхом отдавались на бетонной лестнице коммунального ада, пока окончательно не растворились в шуме улицы.

Когда она ушла, воздух в нашей капсуле стал невыносимо

тяжёлым, горячим и душным. За окном госивона разразился настоящий тропический ливень. Огромные капли с грохотом бились о стекло, а блёклый, ядовитый фиолетовый неон от круглосуточной вывески из переулка насквозь пробивал матовые шторы, окрашивая стены и наши лица в грязные, багровые тона. Я стояла у подоконника, чувствуя, как моё тело крупно, судорожно трясет от подступающего Синбёна. Лихорадка наворачивала в жилах, кровь закипала. Я до побеления суставов впился ногтями в сколотый край дешевого пластикового горшка с вянутым цветком. Внутри себя, как раз под ребрами, крутилась липкая тяжелая тошнота — не в животе, а вроде бы по центру головы. В голове у меня словно собирался черный густой крем, которого слишком много было для этого объема. Крепость выманила кровь.

Хёну подошёл сзади. Он не стал обнимать меня, не коснулся моих дрожащих плеч. Он просто остановился очень близко — так, что я кожей почувствовала обжигающее тепло его тела и горький, застоявшийся запах крепкого табака.

— Если я сейчас скажу тебе уйти, Сора, — тихо, почти шёпотом спросил он, глядя в то же залитое багровым дождём окно, что и я. -Ты уйдешь?-Избавишься от меня?

Я молчала несколько долгих, удушающих секунд. Вода с грохотом смывала Сеул за стеклом. Мой Хан — моя невыплаканная вина перед миром — заставил меня обернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.